ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Труд и сила. - 1992. - 22-29 окт. (№ 43). - с 7

МОТИВ СЕЗОНА

На ЧЕХОВСКИХ фестивалях «порол дождь». «Бедная природа переживала фридрих-геграус». Тошнотное состояние. Не приехали в Москву грузины — по политическим мотивам. Не приедут литовцы — по соображениям творческим. Не удалось прилететь таджикам — трудности экономические. Праздник, которого так ждали, разрушался на глазах, и театральный люд ничем не мог изменить этого обстоятельства.

Он был раздражен против хороших слов и против тех, кто говорит их, и, возвращаясь домой, думал примерно так: «Мы некультурные, отживающие люди, банальные в своих речах, шаблонные в намерениях, заплеснели совершенно, и... пока мы в своих интеллигентных кружках роемся в старых тряпках и, по древнему русскому обычаю, грызем друг друга, вокруг нас кипит жизнь, которой мы не знаем и не замечаем. Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев». Это уж как пить дать.

За долгие годы общения с Чеховым у нас сложилась устойчивая традиция постановок его пьес. Эту традицию «имеют в виду» и те, кто Чехова ставит, и те, кто о Чехове пишет. С ней вступают в полемику или в согласие, ею поступаются или ее продолжают. Она как печка, от которой танцуют, размышляя о чеховской атмосфере, о парадоксах «Чайки», о загадке «Вишневого сада»...

Такое впечатление, что о пьесах Чехова у нас все знают все.

Маша должна ходить обязательно в черном (это траур по ее жизни) и никак не может появиться в лиловом. Раневская может благосклонно принимать влюбленного Лопахина, но роман с Яшей ей категорически противопоказан. Тригорин все чаще удостаивается нашего сочувствия, а Треплев, который анархически ратует за новые формы, вызывает испуг. На наше понимание всегда может рассчитывать Астров, который совращает чужую жену,— потому как сажает леса и лечит людей. А от намека на интимные отношения между Соленым и Тузенбахом мы еще падаем в обморок. Вершинин имеет право приезжать из Москвы с сеткой апельсинов и батоном колбасы только в спектакле Любимова. Другие за это могут получить по рукам.

С рассказами Чехова дело обстоит проще. Здесь дышится вольней и судится безответственней. Рассказов много. На каждый роток не накинешь платок. Тут каждый действует на свой страх и риск, выкручивается, как считает возможным. Берет один рассказ или коллажно соединяет несколько. Выпаривает действие и конфликт или сохраняет повествовательное течение. Помнит о смешливом Антоше Чехонте и жанре сценок, часто обозначающем его зарисовки с натуры, или имеет в виду Чехова позднего, трагического Чехова крупной формы. Три режиссера, показавшие свои спектакли на фестивале «Играем Чехова»,— М. Бычков (Воронеж), Р. Кашаева (Узбекистан) и К. Черноземов (Петербург) — обошлись с прозой Чехова каждый по-своему и пришли к финальным аплодисментам с абсолютно разным результатом.

М. Бычков сосредоточил свое внимание только на «Скрипке Ротшильда». Пошел к содержанию от формы: дополнил слово Чехова музыкой Стравинского и сценографическими фантазиями в духе Шагала. Вышло так, что музыка подменила собою слово, а Шагал победил и Чехова, и Стравинского. Трагичная, полная забубенной тоски история гробовщика Бронзы, которого смерть жены заставила задуматься о своей «пропащей, убыточной жизни», вышла бесслезной и анемичной. Запомнилось лишь «жалкое лицо» Ротшильда — С. Лялина. Может быть, оттого, что актер так органично перенял отлетающую пластику шагаловских персонажей.

Р. Кашаева с актерами русского Тюза из Ташкента соединила в одно три очень известных, даже хрестоматийных чеховских рассказа — «В рождественскую ночь», «Детвора» и «Спать хочется». Спектакль рождался из этюдов со студентами. Но за четыре года его существования студенты выросли в тюзовских актеров со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Чудо рождения чеховского слова как бы здесь, сейчас» (так написано в программке) теперь выглядит не очень умелым фокусом иллюзиониста. «Импровизационные находки откровенно лицедействующих актеров» закрепились намертво и окостенели. «Игровой» Чехов вышел пронзительным, суетливым и в сущности бессмысленным. Учебных задач он уже не выполняет, а к художественным так и не приблизился.

Игорь Волков, актер петербургского «Приюта Комедианта», стал не просто исполнителем, но и соавтором спектакля «Веселенькое кладбище». Он погрузился в прозу Чехова и растворился в ней. Сплел множество чеховских мотивов, сюжетов и цитат в один почти двухчасовой монолог своего героя, Актера, руководствуясь, кажется, лишь одним принципом, столь понятным и дорогим каждому из нас,— принципом той потрясающей мешанины, что царит в голове у русского (читай: и советского) человека.

На фоне актерской гримуборной, где живописно разбросаны театральные костюмы (художник М. Воробейчик), под аккомпанемент пианино (П. Горн), под иронический комментарий из любимых русских романсов (поют и подыгрывают М. Хазанова и Н. Ивченкова). Актер, недотепа и неудачник, болтает с нами вроде бы ни о чем — и обо всем.

О русской тоске и русском пьянстве. О политике и о любви. О провинции и Петербурге. О таланте и нравственности. О времени и о себе. Обращаясь к приблудному псу на кладбище, попивая «беленькую» из фляжки, приплетая к прозе реплики чеховских пьес, а также и Шекспира с его знаменитыми монологами, и Островского, и Грибоедова, и

Сюжет для небольшого рассказа

Достоевского, и Гоголя, и Пушкина, этот Актер заставляет нас почувствовать время и осознать контекст, вспомнить и забыть, «что чем новее год, тем ближе к смерти, тем обширнее плешь, извилистее морщины, старее жена, больше ребят, меньше денег», с азартом отгадываешь, откуда взялись здесь знакомые реплики, как и зачем встали в один ряд и соединились в одно целое — человеческой жизни.

«Порол дождь... Холодный и резкий ветер выводил ужасные нотки; он выл, плакал, стонал, визжал, точно в оркестре природы дирижировала сама ведьма. Под ногами жалобно всхлипывала слякоть; фонари глядели тускло, как заплаканные вдовы... Бедная природа переживала фридрих-геграус». Но от общения с умным собеседником становилось тепло на душе, тоска отпускала сердце. Оказывается, за долгие годы общения с Чеховым мы еще так мало узнали о нем. А он-то знал о нас все.

Наталья КАЗЬМИНА.